

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 26-го Июня 1911 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10328.

Голубая бабочка.

(Силуэтъ).

Дверь отворилась съ тихимъ меланхолическимъ скрипомъ.

Въ комнату вошла Татьяна

Говорятъ, что наружность обманчива; наружность Татьяны могла подтвердить этотъ афоризмъ.

Татьяна походила на старую вѣдьму, которая въ полночь садится на метлу и черезъ трубу улетаетъ на шабашъ. Мало того: Татьяна походила на старую злую вѣдьму, которую на шабашѣ, казалось, раздразнилъ какой-нибудь шутникъ-лѣшій. Глаза ея блестѣли такъ зловѣщѣ, какъ они могутъ блестѣть только у вѣдьмъ; сѣрые волосы космами спускались на виски и на лобъ. Если глаза ея похо-

Эрцгерцогъ Карлъ-Францъ-Іосифъ.

Принцесса Цита Пармская.

Жозефъ Каїо,

глава новаго французскаго министерства.

дили на тѣ блуждающіе болотные огоньки, которые заводятъ сбившихся съ дороги путниковъ въ непроходимыя топи, въ трясину, то сѣрыя космы напоминали плывущій по утрамъ надъ болотами туманъ. Сѣть мелкихъ и крупныхъ морщинокъ покрывала лицо ея; морщины тянулись по лбу, змѣились около глазъ и около губъ; старая кожа Татьяны была прокопчена кухоннымъ чадомъ и дымомъ, какъ хороший окорокъ. Плате на Татьянѣ было такое же старое, какъ она сама,

и такое же черное, какъ ея глаза въ молодости. Рукава она засучила. Она готовилась разогрѣвать хозяйственное кушанье на старой полуразвалившейся плитѣ, сквозь щели которой поднимались кверху языки пламени, и дымъ расплзлся по кухнѣ. Но человѣкъ, одаренный фантазіей, предположилъ бы другое: онъ предположилъ бы, что Татьяна разведетъ костеръ подъ котломъ, въ который положитъ ядовитыхъ травъ, и начнетъ варить колдовскія зелья; или раскалить до бѣла на костре чугунную сковородку и начнетъ поджаривать на ней жабъ и лягушекъ, волчье сердце и большихъ сѣрыхъ змѣй. Да, Татьяна походила на злую вѣдьму, на старую вѣдьму, только что вернувшуюся съ шабаша или готовящуюся туда улетѣть.

Что то маленькое, красивое, похожее на голубую бабочку, трепетало въ ея рукахъ. Ея темные кривые пальцы напоминали лапы гигантскаго паука; паукъ крѣпко держалъ голубую бабочку; какъ ни бейся она, ей не вырваться изъ его цѣпкихъ лапъ; онъ торжествовалъ побѣду.

Голубая бабочка въ рукахъ Татьяны была маленькимъ голубымъ письмомъ.

Ея руки больше привыкли къ за-
купѣтымъ горшкамъ и ухватамъ, къ самоварной трубѣ, вышкамъ и углю; ея руки привыкли къ сапогамъ и ка-
лошамъ, которые она чистила каждое утро, и къ грязной посудѣ, которую она мыла два раза въ день. Поэтому на крыльшкахъ голубой бабочки два темныхъ пятна, какъ двѣ страшныя рожи, строили другъ другу гримасы.

И все же наружность Татьяны была обманчива; у злой съ виду старухи, у вѣдьмы, было кроткое любящее сердце и душевный голосъ.

Адолфъ Мессими.

новый французский военный министръ.

деть, передамъ". Ладно, говоритъ. Сунула письмо и была таксва. Пожалуйте.

Татьяна подала голубую бабочку съ двумя пятнышками на крыльяхъ; затѣмъ дверь скрипнула снова.

Татьяна ушла.

* *

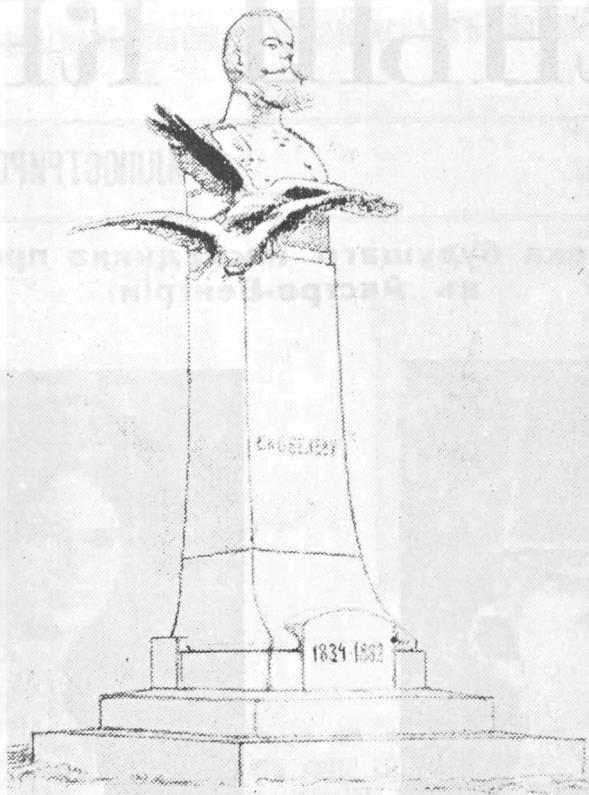
Гурій Львовичъ такъ осторожно держалъ письмо въ рукахъ, какъ будто оно было хрупкой вещью, которую, не остерегшись, можно было разбить.

Его бледное лицо маленького захудалого чиновника выражало полное изумление; его безцветные глаза—помесь голубых и святло синих,—святлились любопытствомъ.

Онъ не получалъ писемъ въ хорошенькихъ конвертикахъ; онъ получалъ записки и письма отъ сослуживцевъ, такихъ же безцветныхъ и мелкихъ, какъ онъ самъ. Эти записки и письма были полны скучною прозой и даже нѣсколько походили другъ на друга. Во всѣхъ неизмѣнно стояло: „голубчикъ Гурій! пришли три рубля; нужны до зарѣзу; двадцатаго отдамъ“. Иногда вмѣсто трехъ стояло два рубля, рубль. Вообще, цифра мѣнялась; мѣнялось и обращеніе: писали „любезный Гурій“, „дружище Гурій“, мѣнялся срокъ отдачи; но во всѣхъ запискахъ и письмахъ стояла та же скучная суть.

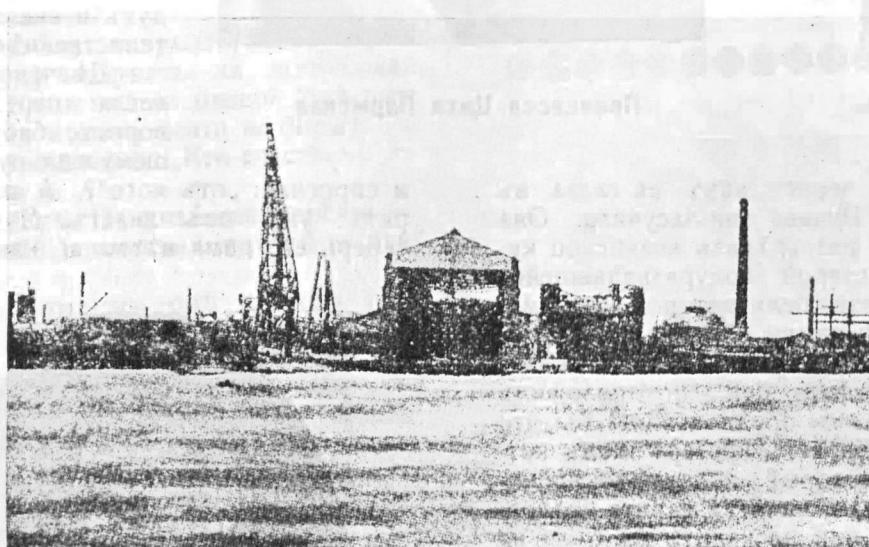
Гурій Львовичъ вертѣлъ конвертъ въ рукахъ, на конвертѣ не было адреса—и старался угадать—отъ кого. Но онъ не могъ догадаться. Тогда дрожащими пальцами онъ взялъ его за уголки и разорвалъ.

Изъ конверта выпалъ засушенный цветокъ „Анютинъ глазки“ и голубая бумажка.

Памятникъ М. Д. Скобелеву,

открытый въ Варшавѣ 12 июня.

Къ спуску дредноута „Севастополь“.

Балтійскій судостроительный и механический заводъ, на которомъ строился линейный корабль „Севастополь“. Корабль виденъ въ закрытомъ эллинѣ завода; направо отъ эллинга стапель, въ которомъ строится броненосецъ „Петропавловскъ“; нальво—исполинскій кранъ для поднятія тяжестей.

Гурій Львовичъ съ недоумѣніемъ взглянулъ на цветокъ, понюхалъ его—отъ цветка пахло какими то милыми духами,—и принялъ за письмо.

Письмо было странное; въ письмѣ его называли противнымъ и милымъ; въ письмѣ его упрекали за недогадливость; въ письмѣ спрашивали: неужели онъ не можетъ понять, что его любятъ? Въ письмѣ стыдили его: если онъ самъ такой трусъ, что только молча вздыхаетъ, то ему говорить: вѣсъ любить, любить.

Въ письмѣ была смѣсь ребячества, шалости и настоящей женской искренней любви, которая пробивалась въ словахъ, сквозила между строкъ и давала письму свѣтъ и тепло.

Еще ни одна женщина не говорила Гурію Львовичу слова любви и не

смотрѣла на него нѣжными глазами. Онъ былъ плохого мнѣнія о своей наружности; онъ искренно думалъ, что женщина не можетъ его полюбить.

Лицо его было сѣро и неинтересно; его глаза не сверкали задоромъ и юношескимъ огнемъ, отвагой, смѣлостью, всѣмъ, что нравится женщинамъ, что придаетъ даже обыденнымъ лицамъ жизнь и красоту. Усы у него были сѣменные и маленькие; даже борода пробивалась какими то перьями, хотя у многихъ мужчинъ, право, ничуть не умнѣе, а даже глупѣе его, росли великолѣпныя бороды, дѣлавшія этихъ мужчинъ похожими на египетскихъ жрецовъ или итальянскихъ бандитовъ. А онъ, съ своей чахлой бородкой, былъ такой жалкій, заурядный, непримѣтный человѣкъ.

Кто же пишетъ ему?

На голубой бабочкѣ не было подписи.

Сердце его забилось.

Вмѣстѣ съ голубой бабочкой въ комнату ворвался солнечный лучъ. Кругомъ стало свѣтлѣе и лучше. Фотографіи родныхъ и знакомыхъ, живыхъ и давно умершихъ, улыбались со стѣнъ, какъ будто понимали его радость и торжество. Чахоточные цветы на окнахъ загорѣлись яркою зеленою и словно подняли свои поникшие листья. Маленькие стѣнныя часики затикали веселѣе; „поздравляемъ“—слышалось въ ихъ рѣзвомъ „тикъ-такъ“. Въ окно съ громкимъ жужжаніемъ влетѣла большая зеленая муха; Гурій Львовичъ весело поглядѣлъ на нее; ему казалось, что и эта зеленая муха спѣшить его поздравить. Да, вмѣстѣ съ голубой бабочкой въ комнату ворвалось много солнечныхъ лучей!

Гурій Львовичъ прочелъ еще разъ письмо и схватился за голову.

Вдругъ глаза его упали на засохшій цветокъ.

— Вѣдь, это подпись! прошепталъ онъ. Анютинъ глазки! Писала Анюта.

Гурій Львовичъ тихонько повторялъ это имя.

А. И. Бестужевъ-Рюминъ,

капитанъ 1 ранга, командиръ первого дредноута „Севастополь“, бывшій послѣднимъ старшимъ офицеромъ эскадренного броненосца „Севастополь“, затопленного въ Портъ-Артурѣ.

Вдругъ онъ поблѣднѣлъ, и губы его задрожали.

— Это она.

**

Анюта нашлась,

Это была дочка секретаря земской управы, къ которому онъ заходилъ изрѣдка. Положимъ, она не обратила на него почти никакого вниманія, но, вѣдь, девушки стыдливы и хитры; Гурій Львовичъ слышалъ, что развѣ изъ сотни одна покажеть, что интересуется мужчиной, который угрюмъ, холоденъ и равнодушенъ. А кто же могъ догадаться, что онъ, Гурій Львовичъ, не равнодушенъ, не холоденъ, что онъ просто робокъ, что онъ не смѣеть ни думать объ Анютѣ, ни поднять на нее глазъ.

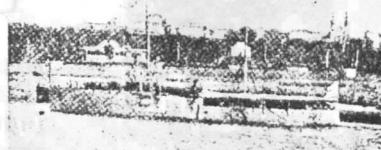
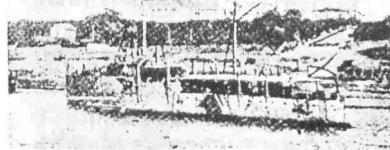
Найдя Анюту, Гурій Львовичъ поблѣднѣлъ отъ счастья и страха; такъ

блѣднѣетъ путникъ, томившійся жаждой въ пустынѣ и увидѣвшій свѣтлое озеро: что если это озеро только миражъ, только шутка глазъ, уставшихъ отъ жгучихъ лучей полуденного солнца?

Если судьба зз хотѣла подарить ему женскую любовь, то лучше маленькихъ ручекъ Аньоты для передачи этого дара найти было трудно; по крайней мѣрѣ, онъ самъ такъ думалъ объ этомъ. На свое вѣку ему случалось встрѣтить двухъ-трехъ женщинъ, красота кото-

ВОЕННЫЯ СУДА НА ВОЛГѢ.

Съ фотографіей, снятыхъ въ Самарѣ.

Канонерка „Карсъ“.

По Волгѣ на буксирѣ ведутъ въ Каспійское море для несенія военной службы двѣ канонерки — „Карсъ“ и „Ардаганъ“. Экипажъ этихъ судовъ состоять изъ двадцати офицеровъ и 160 матросовъ.

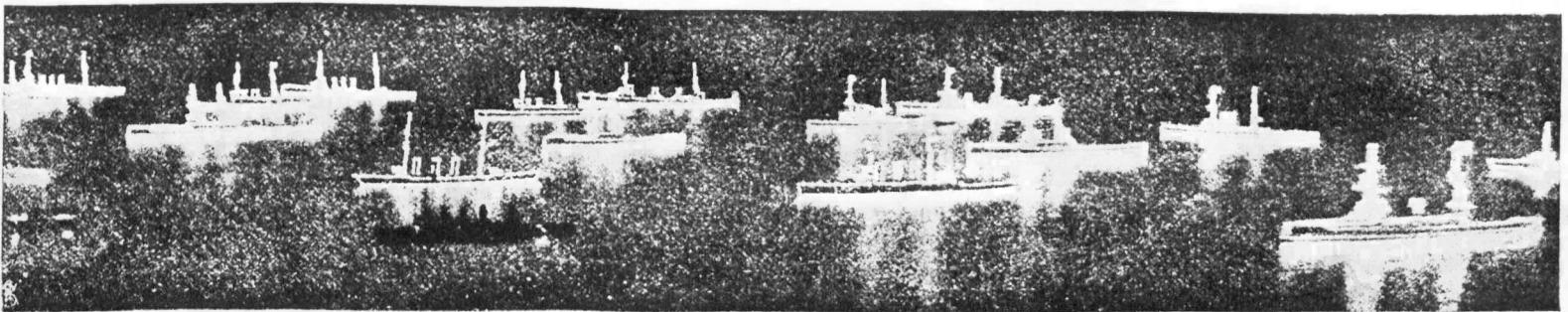
Онъ цѣлууетъ Аньоту и шепчетъ.

— Ахъ ты, прелестъ!

Затѣмъ, въ свое время наступаетъ черный день въ его жизни, день, когда къ нимъ приѣзжаетъ мать Аньоты и та „бабушка“, которая была при появленіи самой Аньоты на Божій свѣтъ.

Какъ онъ томится, какъ мучается! Что переживаєтъ онъ! Что онъ терпитъ!

И какъ велика его радость, когда дѣтскій крикъ оглашаетъ комнаты, и онъ понимаетъ, что все конечно. Какъ велика его ра-

Репетиція смотра великобританского флота,

во время коронаціонныхъ торжествъ.

рыхъ стѣпила глаза; Аньота была не изъ нихъ. Къ лучшему! Богъ съ ними, съ этими красавицами. Гурію Львовичу почему-то казалось, что такія красавицы не вѣрны мужьямъ. Ужъ слишкомъ много поклонниковъ находить ихъ красота. Нѣтъ, эта дѣвушка не была красавицей.

Это была милая барышня съ веселыми сѣрыми глазами и ямочками на щекахъ, въ которыхъ прятался смѣхъ. У ней былъ полненький подбородокъ и чудные русые волосы; и если бы распустить ихъ, они бы закрыли Аньоту до колѣнъ.

Что за блаженство имѣть ее женой! Что за свѣтлое счастье! Счастье безъ бурь и грозъ, тихое семейное счастье, которое бѣдный маленький человѣчекъ только и понимаетъ.

Онъ улыбался.

Картины прошлаго мелькнули передъ нимъ, какъ на лентѣ синематографа.

Ему вспомнился долгій взглядъ дѣвушки, которымъ она посмотрѣла на него въ прошлый вторникъ, и улыбка, которая сверкнула на ея губахъ, и многое другое. Все теперь ожило, все возстало изъ праха. Точно рѣзвые мотыльки вспорхнули эти воспоминанія изъ подъ сѣраго пепла прожитыхъ дней. Рой рѣзвыхъ мотыльковъ привѣтель за собой тотъ голубой мотылекъ, что съ двумя пятнами на крыльшакахъ прилетѣлъ изъ рукъ старой Татьяны.

И картины будущаго явились вслѣдъ за картинами прошлаго. Онъ быти еще прекраснѣе и милѣе; онъ были еще ярче, богаче фантазіей, красками, свѣтомъ, тепломъ.

Гурій Львовичъ видѣлъ себя женихомъ Аньоты.

Смѣющаяся, радостная, она ждетъ его каждый день; она выбѣгаєтъ къ нему навстрѣчу; спѣша, она разска-

зываетъ ему, что случилось съ ней со вчерашняго вечера, какъ она спала ночь, какіе видѣла хорошіе, предвѣщающіе счастье сны, что дѣлала угромъ, какія работы начала и какія кончила, какъ кормила куръ, что случилось съ ихъ кошкой Маруськой. А съ кошкой случилось чрезвычайное происшествіе: она чуть-чуть не упустила въ щелку пойманную мышь. И жаль, что не упустила; какъ ни какъ, мышь все-таки жаль. Она такая бѣдная, маленькая и безобидная; грызла бы себѣ, да грызла какую нибудь корочку, что стащила въ щель, чѣмъ высовывала носъ на свѣтъ Божій и попадаться въ лапы съ острыми когтями.

Дѣвушка разсказываетъ, кто у нихъ былъ, что говорили ея подруги, которые находятъ, что Гурій Львовичъ, хотя и очень молчаливый, но хорошій человѣкъ.

Дальше Гурій Львовичъ видѣлъ, что Аньота уже его жена.

Веселая свадьба осталась позади. И шампанское, что пили за ихъ здоровье, и счастье, и поцѣлуи, которыми они мѣнялись, и вечеръ, и танцы, и смѣхъ гостей.

Все вошло въ обычную колею, ту колею, отъ которой для избалованыхъ людей пахнетъ скучной, для неизбалованыхъ—счастьемъ.

Гурій Львовичъ приходитъ со службы домой.

Почему не встрѣчаетъ его Аньота? Что за странная, непонятная исторія? Что за диво?

Раздѣвши, онъ начинаетъ искать Аньоту; онъ находить ее смѣющейся, взволнованной въ спальнѣ. И когда онъ спрашиваетъ ее, что это значитъ, она склоняется къ нему на плечо и застѣнчиво говоритъ, что онъ будетъ отцомъ.

дость, когда онъ знаетъ, что сейчасъ его позвутъ къ Аньотѣ, что дверь вотъ—вотъ заскрипѣтъ, точно распахнеть ему объятья.

* *

И дверь заскрипѣла на самомъ дѣлѣ. Дверь заскрипѣла и пропустила Татьяну.

— А, вѣдь, письмо то не къ тебѣ, голубы! сказала Татьяна входя.

Гурій Львовичъ поблѣднѣлъ и пошатнулся.

— Какъ не ко мнѣ? спросилъ онъ холода.

— Грѣхъ такой вышелъ. Прибѣгла дѣвченочка опять; думала, ты еще не вернулся со службы. „Напутала я, говоритъ, бабуся; снесла письмо не туда“. А какъ услыхала, что ты воротился, бѣжать—была такова.

— Кому же письмо, Татьяна?

— Кто жъ его знаетъ, голубы? Мало развѣ въ нашемъ домѣ жильцовъ? Можетъ, въ сосѣднюю квартиру письмо писали, а дѣвченочка занесла его къ намъ. Грѣхъ вышелъ.

Татьяна развела руками и вышла вонъ.

И вслѣдъ за ней упорхнуло все, что было веселаго и свѣтлаго къ комнатѣ. Упорхнули всѣ яркіе, шаловливые мотыльки, всѣ солнечные лучи.

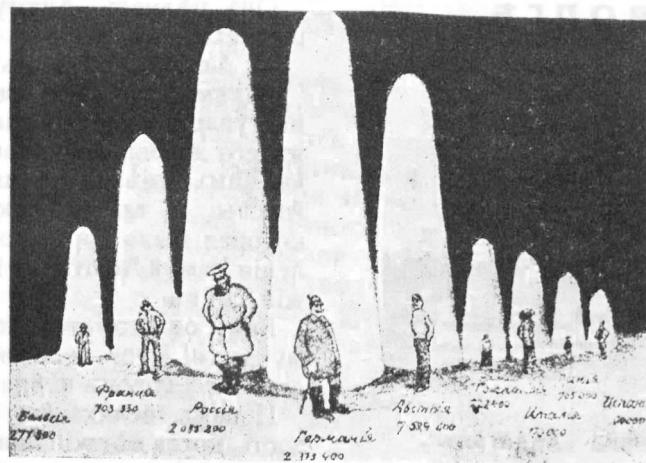
Гурій Львовичъ опустилъ голову на руки.

Впереди тянулась, какъ пыльная дорога, безконечная, сѣрая, скучная жизнь. Ничего въ ней не было: ни счастья, ни ласки, ни женской любви. Онъ былъ счастливцемъ на одно мгновеніе. Онъ былъ счастливцемъ только потому, что какая-то глупая дѣвочка перепутала квартиры.

Жгучая обида залила его сердце, и горькія слезы текли по его щекамъ.

А. Грузинскій.

Производство сахара

въ европейскихъ государствахъ въ тоннахъ (60 пуд.)

Подсудимый: Чихъ!

Зашитникъ: Господа, слышите, какъ чихаетъ подсудимый. Такъ не можетъ чихать тотъ, у кого не чиста совѣсть.

(„Fieg. Bl.“)

Автоматъ для чистки улицъ.

Чистильщики улицъ въ Нью-Йоркѣ составляютъ армию въ 2,500 человѣкъ, одѣтыхъ въ бѣлую форму—символъ чистоты. Но такъ какъ большинство чистильщиковъ получаютъ свои должности по протекціи, то ихъ работа, обыкновенно, оставляетъ желать много лучшаго.

И вотъ теперешній комиссаръ старается замѣнить ручной трудъ механическимъ. До сихъ поръ постепенно вводились механическія щетки, устроенные на пароконныхъ телѣгахъ. Всѣ эти способы, однако, оказались неудовлетворительными, такъ какъ значительная часть сора попадала въ канализационныя трубы и послѣднія очень часто засорялись.

На днѣхъ былъ демонстрированъ автомобиль для автоматической чистки улицъ. Онъ соединяется въ себѣ громадную щетку для замѣтанія улицъ, ящикъ и резервуаръ съ водой для поливки улицъ въ сухую погоду. Машина эта не поднимаетъ пыли. По мѣрѣ наполненія сора въ ящикѣ, автомобиль отправляется на свалочный пунктъ.

Комиссаръ отдалъ остался очень доволенъ чистотой работы автомобиля и скоростью, и примѣненіе этого способа очистки улицъ уже решено въ принципѣ.

СМЪСЬ.

1913-й годъ.

Въ одной изъ радикальныхъ немецкихъ газетъ появилась замѣтка подъ сенсационнымъ заголовкомъ „1913-й годъ“. Авторъ замѣтки „съ математической точностью“ пріурочиваетъ къ 1913 году установление въ Германіи республиканской формы правленія.

Исходнымъ пунктомъ для такого вывода послужила капризная природа цифры 1849, обозначающей, по словамъ автора замѣтки, годъ „послѣднаго строительства въ Германіи баррикадъ“.

$$1849+9+4+8+1=1871.$$

Эта дата вписана красной строкой въ исторіи Германіи: это—дата бли-

значительными перегонами, и вотъ на одной изъ этихъ линій, между городомъ Пеорія, въ штатѣ Иллинойсъ, и Сентъ-Луи введены комфортабельные вагоны, приспособленные для спанья.

Складная кровати, привинченныя къ стѣнкамъ вагона, опускаются на ночь. У изголовья имѣется электрическая лампочка и приспособленіе, которое держитъ книгу, для желающихъ читать. Небольшой несгораемый шкафъ для сохраненія цѣнностей пассажировъ составляетъ часть обстановки вагона. Вагонъ снабженъ уборной, где пассажиры могутъ совершаТЬ свой туалетъ. Утромъ пассажиръ бесплатно получаетъ кофе и закуску.

Первый экзаменъ.

— Считать умѣешь?...

Ну считай: одинъ два...

— Три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, вальть, дама, король.

— Вы, сударыня, изнурены, совсѣмъ изнурены.

— Увы, да! Подумайте, какъ много требуется отъ человека съ добрымъ сердцемъ. Четыре бала въ пользу бѣдныхъ, 6 базаровъ, 10 благотворительныхъ концертовъ. И притомъ столько незѣжныхъ туалетовъ. О, какъ много горя на землѣ!

(„Fieg. Bl.“)

Новости науки и изобрѣтенія.

Мгновенная остановка кораблей.

Извѣстный американскій изобрѣтатель пневматического тормаза для желѣзнодорожныхъ поѣздовъ Вестингаузъ недавно закончилъ новое важное изобрѣтеніе—тормазъ для кораблей, съ помощью котораго можно не только остановить корабль моментально, но и тотчасъ же дать ему обратный полный ходъ. Тормазъ этотъ долженъ принести громадную пользу въ смыслѣ предупрежденія столкновенія судовъ, особенно во время тумановъ.

Спальные трамваи.

Какъ ни странно звучать слова „спальные трамваи“ для европейца, но такие трамваи уже существуютъ въ Америкѣ.

Дѣло въ томъ, что вся страна здѣсь покрыта сѣтью электрическихъ трамвайныхъ линій, которая тянется изъ города въ городъ. Достаточно сказать, что весь путь отъ Нью-Йорка до Чикаго можно сдѣлать въ трамваѣ.

Въ малонаселенныхъ штатахъ существуютъ трамвайныя линіи съ очень

стательного триумфа Пруссіи и провозглашенія въ версальскомъ дворцѣ Германской имперіи.

Но если надѣть этой цифрой произвести операцию, подобную предыдущей, то получится цифра 1888:

$$1871+1+7+8+1=1888.$$

Это—годъ „трехъ императоровъ“. 9го марта умираетъ императоръ Вильгельмъ I. Наступаетъ скоротечное царствование Фридриха III, покончившаго всѣ земные счеты 15-го апрѣля. На престолъ Германіи вступаетъ императоръ Вильгельмъ II.

Путемъ же примѣненія къ этой цифрѣ нехитраго первого ариѳметическаго дѣйствія, по указанному уже способу, мы получимъ цифру 1913:

$$1888+8+8+8+1=1913.$$

Итакъ, по мнѣнію радикального математика, въ 1913 году произойдетъ въ Германіи перемѣна образа правленія.

